

Прыжки в отцепленные вагоны обходятся очень дорого

С.Е. Кургинян, кандидат физико-математических наук

Сначала короткая ремарка по поводу автора. Да, его текст усложнен. Да, он очень длинен. И что? Такой вот неудобный и неправильный автор. Есть гораздо более удобные и правильные. Только они ничего при этом не выражают. А автор выражает.

Теперь по существу. Автор предложил определенный язык. Я реагирую на это предложение. И обращаю внимание автора на то, что (как он прекрасно понимает) в социальных науках нет абсолютных понятий. Или, точнее, их никто не афиширует. Место же подобных понятий занимают «семантические прикрытия» как средства ведения игры.

Таковыми прикрытиями являются всякого рода «тоталитаризмы». А также «технотронные общества», «постиндустриальные общества», «информационные общества». Вся эта терминология на Западе для чего создавалась? Чтобы размыть предложенный противником концепт конфликта между капитализмом и коммунизмом и вместо этого сказать: «Да бог с вами, у нас строится постиндустриальное общество! Идет конвергенция!».

То, что это была игра, — теперь прямо признали те, кто в нее играл. Но одна игра закончилась — началась другая. Как говорят, «новое — это хорошо забытое старое»...

Жили-были Данилевский, Тойнби... Писали много и сложно. Но вскоре все забыли об этом. А потом вспомнили. В конце 1990-х гг. заявляется ко мне представитель американского посольства и говорит: «Приходи в Спасо-Хаус,

С.Е. Кургинян. Прыжки в отцепленные вагоны обходятся очень дорого

надо послушать Хантингтона». Ну, прихожу. Думаю: к чему бы это? Дискуссии, конечно, никакой нет. Хантингтон — это такое скучное существо, не верящее ни в одно свое слово! Он профессорствовал себе и покрывался музейной пылью. Пыль отряхнули, его ввели в игру. А он что-то бормочет о войне цивилизаций.

Проходит не так много времени — хрясть! «Найн илевн», то бишь, 11 сентября 2001 года! И сразу — крик: «Ах, война цивилизаций, как нас учит великий Хантингтон!».

Какая война цивилизаций? Где цивилизации?

Для основных теоретиков цивилизаций цивилизация — это общество, в котором господствует тот или иной религиозный смысл. Тип смысла как раз и определяет тип цивилизации. Но где сейчас господствует религиозный смысл? И какое к нам это имеет отношение? Китай — это цивилизация? Россия — это цивилизация?

Если уж вспоминать Тойнби, то он говорил, что есть структуры более высокого ранга, чем цивилизации, — имперские конгломераты. Так вот, Россия — это либо имперский конгломерат, либо межцивилизационный транзит. Что угодно, но только не цивилизация. Россия — или больше, чем цивилизация, или меньше.

Еще раз: в цивилизациях господствует религиозный смысл! А Проект Модерн — отрицает господство религиозного смысла. И он принят большинством человечества. Либо национальное государство и Модерн, либо цивилизация. Где есть Модерн — там нет цивилизации. Есть культурная специфика, но это совсем другое.

Так кто нам навязывает эти самые цивилизации как «семантические приманки»? И почему мы на это поддаемся? А главное — как мы себя позиционируем? Ведь это социальные науки. И в них позицию элиминировать невозможно.

В мире есть Контрмодерн, Модерн, Постмодерн. Постмодерн и Контрмодерн объединились против Модерна. В чем наша позиция? Мы воюем за Модерн? Тогда надо говорить:

постмодернистский враг. И не бояться слова «враг». Где война — там и враг. Не надо в игру и войну втягивать ложный объективизм, заимствованный из академической науки. Там он уместен, а здесь — именно ложен.

Чем мы занимаемся? Наукой или знаниями?

Там, где начинаются игра и война, нужны знания; научному академизму места уже нет.

На территории науки нет врагов, есть явления. А на территории знаний, отказавшихся от всеядности, враги есть. На этой территории постмодернизм мне говорит, что проект «Человек» будет завершен. Я слышу и отвечаю: «Это ты будешь завершен, а не проект “Человек”».

И тут у меня вопрос к автору. Почему нечто, им описанное, я должен называть новой социальной тканью, а не гноем? Гной — это ведь тоже вещество. Если не было гноя, а потом он возник, то можно сказать: «Вот, новое социальное вещество». Вещество-то оно вещество, но не ткань. Здесь без таких разграничений не обойтись.

Далее, в понимании Александра Абрамовича Галкина, автор доклада утверждает, что нынешняя неопределенность порождена развитием. А Галкин считает, что неравномерностью развития. Я же считаю, что не развитием и не его неравномерностью, а **войной с развитием**. Главным же оружием войны с развитием является Постмодерн, управляющий Контрмодерном.

У нас сейчас часто говорят, что Постмодерн — продолжение Модерна. Это глубокая ложь. А еще говорят, что Постмодерн лучше Модерна: «Вот, мол, постмодернисты более толерантны к традициям и т. п. Давайте с ними играть».

Нельзя играть на территории морали и ценностей! Для Модерна есть жесткая, секулярная, светская мораль и соответствующие культурные ценности, а у Постмодернизма их нет. Поэтому Модерн с традициями может выстроить отношения. А Постмодерн — не может.

Мы же, наверное, понимаем, что Модерн — это очень широкое понятие. Что есть и религиозный Модерн. Мы бы

С.Е. Кургинян. Прыжки в отцепленные вагоны обходятся очень дорого

залились на Кавказе далеко не такой кровью, если бы кавказские суфии не увидели у себя «бородатых» (ваххабитов, Контрмодерн) и не сказали, что это — их враг. Они стали нашим союзником. И нам удалось победить относительно малой кровью. Но они же не светские люди.

Значит, союз против Контрмодерна может быть широким. Так он и должен быть широким! Есть религиозные направления в мире, которые соединимы с Модерном. Модерн — это не просвещение только, это подход к вопросу о соотношении разума и веры. Кто-то разум допускает, а кто-то отбрасывает. Вместе, между прочим, с развитием и многим другим.

Множественный гной выдает себя за новое и развитие. А чем он является на самом деле? И что происходит с развитием?

Есть такой барьер Питерса. Когда развитие человека (развитие № 1) отстает от развития технологий (развитие № 2), то рано или поздно разрыв между развитием № 1 и развитием № 2 становится запредельным. И цивилизация исчезает. Так что же делать? Ускорять развитие № 1? Задерживать развитие № 2?

Что такое Римский клуб, паника по поводу экологии? Это попытки сдержать развитие № 2, потому что ускорить развитие № 1 невозможно? А можно сдержать развитие № 2, не погубив человечество? И почему нельзя ускорить развитие № 1?

Почему вся эта нынешняя «инноватика» к проблемам разума относится как к чему-то вторичному? Что с мозгом, с развитием мышления? Мы вот знаем, что тип мышления в очень большой степени определяется типом письма. Китай не отказался от иероглифов. Что это значит с точки зрения перспектив мышления? Не дешевой инноватики, а мышления как такового? Не значит ли это, что синтез деятельности правого и левого полушарий мозга у одних будет идти, а у других окажется окончательно заторможенным?

Но это все высокая проблематика. Если только в нее погружаться — исчезнут необходимые практические вибрации.

Я не о прагматических вибрациях говорю, а о тех особых вибрациях, которые возникают на стыке высоких концепций и практики. Каковы же эти вибрации?

Вибрация № 1. Американцы и часть Запада *предали Модерн!* Они — *предатели!* Не об антизападности надо говорить, а о предательстве частью Запада своих идеалов, идеалов Модерна. А вот ни Китай, ни Индия от Модерна отказаться не могут. Что это значит? Что на повестке дня не конфликт между Западом и Востоком или Севером и Югом, а конфликт между новыми и старыми индустриальными странами. И что знамя Модерна переходит в руки новых индустриальных стран — Индии, Китая и др. Они не могут без него.

Для нас это выбор. Мы осмелимся сказать, хотя бы после Косово, что вопрос не в том, что мы воюем с Западом, а в том, что Запад предал себя? Тогда у нас будет много союзников на Западе. Ведь там далеко не все хотят предавать Модерн. Так почему мы не играем в эту игру? Между прочим, другой-то игры у нас практически нет!

Вибрация № 2. Мы все время прыгаем в отцепленные вагоны. Вы представляете себе стоимость этих прыжков? Это не только сотни миллиардов долларов. Это судьба нашего народа. Вот, например, мы изо всех сил хотим впрыгнуть в ВТО. А вы убеждены, что это не отцепливаемый вагон? Что лет через пять-десять эта самая ВТО еще будет существовать? Представим себе сценарий, при котором кто-то (например, американские демократы) начнут полномасштабную торговую войну с Китаем. Скажут: «А больше делать нечего, чтобы его остановить!» — и начнут такую войну. И где тогда будет ВТО?

Но это все мелочи.

А что, если мы прыгаем в отцепленный вагон под названием «капитализм»? Если пытаются отцепить вагон под названием «Модерн», то и этот вагон тоже ведь можно отцепить!

Можно называть много подобных «вибраций». То есть существует немало интеллектуальных вопросов, в которых имеется острый политический нерв.

С.Е. Кургинян. Прыжки в отцепленные вагоны обходятся очень дорого

Только вот настоящее обсуждение таких вопросов предполагает субъектность. Ее-то у нас пока и нет. Она-то и является главной открытой проблемой. Один из способов решения — говорить должным образом, даже если нет субъектности. Но это, как мы понимаем, не лучший способ...

М. Шагал. Прогулка. 1917–1918 гг.